

Планирование категорически необходимо, как всякая осмысленная деятельность. Естественное усложнение производства сделало его внутрикорпоративной нормой, прямо диктуемое не только технологическими, но и сугубо рыночными процессами (при всей их малой предсказуемости) уже к концу XIX века.

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ

Первая мировая война, создав категорическую необходимость быстрого развёртывания и поддержания широкомасштабных сложных производств и форсирования научно-технического прогресса, придала развитию планирования новый импульс. Оно осуществлялось в виде согласования интересов крупных промышленных групп и государств в процессе разработки программ производства важнейших видов вооружений и аммуниции и необходимых для их производства товаров, а также развития и функционирования железнодорожного и водного транспорта.

Великая Октябрьская социалистическая революция позволила устранить внутреннее противоречие капитализма между частным характером производственных сил и их развитостью, превратившей их в фактор развития всего общества в целом. Обобществление производства создало возможность перевода планирования с корпоративного на национальный уровень, что и обеспечило стремительный рост советской экономики и молниеносное по историческим меркам превращение её во вторую экономику мира.

Нельзя не отметить, что, несмотря на тщательно пролорбированный ещё в царское время план ГОЭЛРО (невозможен до начала построения социализма в силу самого организационного характера самодержавия), на создание полноценных управленческих механизмов функционирования плановой экономики ушло более 10 лет, причём не только в силу жестокости связанной с ним политической борьбы, но и в силу их объективной сложности.

Стоит отметить, что пресловутый Госплан планировал на основе оставления подробнейших балансов производства и распределение лишь около 1 тыс. наиболее значимых видов продукции, а основную часть — около 10 тыс. видов, в основном комплектующих, — планировал не менее значимый, но не обладавший в отличие от него никаким политическим весом и давно уже прочно забытый Госснаб (с 1930 по 1948 годы — Народный комиссариат снабжения СССР).

При этом значительную роль в балансировании экономики играли рыночные отношения: стремительно созданная в 1932 году (когда голод довёл рабочих города Вичуга в Ивановской области до восстания и захвата части города) система колхозных рынков обеспечивала города продовольствием, а "промысловая кооперация" — фактически малый и средний бизнес в промышленности — в рамках плановой системы обеспечивала производство почти всех промышленных товаров народного потребления. Существенно, что промысловая кооперация явилась — вероятно, неожиданно для создателей и организаторов плановой экономики — и важным фактором научно-технического прогресса (вплоть до функционирования двух полценных НИИ и создания телевидения в предвоенном Ленинграде).

Принципиально важным является и то, что проведение индустриализации потребовало коренной перестройки всей финансовой системы Советского Союза (пусть и национализированной к тому времени) при помощи создания революционной по тем временам двухкурентной системы денежного обращения, разделяющей рыночный (то есть потребительский) и производственный сектора экономики на институциональном уровне.

Интересно, что чуть позже, в 1933 году, по сравнению с 1930-м, и в тех же целях аналогичный в принципе финансовый механизм (разумеется, с поправкой на качественно иные условия капиталистического общества) был реализован в США при помощи закона Гласса — Стиголла, в качестве ответа на Великую депрессию, — при помощи разделения банковской системы на, с одной стороны, занимающиеся финансовыми спекуляциями инвестиционные и, с другой, — обслуживающие население и реальный сектор коммерческие банки. Характерно, что закон Гласса — Стиголла был отменён лишь в 1999-м, и его восстановление являлось одним из программных обещаний Трампа во время его избирательной кампании 2024 года.

Другой американский ответ на Великую депрессию — "Администрация долин реки Теннесси", созданная Рузвельтом, — стал мощным инструментом планирования в рамках капиталистической системы хозяйствования, пусть и по необходимости ограниченным ею. В историю она вошла как первый за пределами Советского Союза управленческий инструмент создания и развития территориально-промышленного комплекса.

ПОЧЕМУ ПЛАНИРОВАНИЕ УТРАТИЛО АДЕКВАТНОСТЬ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

При анализе причин гибели Советского Союза и в целом советской цивилизации традиционно уделяют незаслуженно незначительное внимание одной из важнейших: хозяйственное перерождение его руководства, превращение правящей и управляющей элиты в буржуазную тусовку, существующую ради личного материального потребления. Этот процесс шёл настолько стремительно, что уже в 1971 году при крайне болезненном банкротстве США

правящий Советским Союзом квазикласс партозноменталтуры не посмел даже помыслить о завоевании мирового лидерства: ему это было уже не нужно.

Столь шокирующее перерождение во многом было вызвано произошедшей уже в конце 50-х годов прошлого века сменой созданной под руководством Сталина экономической модели.

Уникальность сталинской экономики заключалась не только в централизованном планировании и разделении денежного оборота на наличный и безналичный, обслуживающие соответственно потребление населения и развитие экономики. Сказочную эффективность обеспечивала ориентация не на увеличение доходов (что естественно для рынка), а на снижение издержек.

При условии выполнения плана производство в натуральном выражении снижение издержек было главной задачей и продуманно поощрялось с поистине немецкой тщательностью.

Предприятие получало фиксированную часть экономики, в том числе обычно — всю экономию первого года. Одна её половина делилась поровну между изобретателем и руководителем, под свою ответственность реализовавшим его предложение, другая половина — между всеми работниками предприятия (или на крупном предприятии — цеха) вне зависимости от наличия или отсутствия их вклада в снижение издержек.

Займствовавшая из опыта артелей, эта модель кровно заинтересовывала коллектив в поддержке "умников", которые воспринимались как "курицы, несущие золотые яйца" не только для себя, но и для всех. Это формировало непредставимый ныне психологический климат, объединяющий работников и руководство в единую семью, нацеленную на рост эффективности (и эхо созданной таким образом производственной культуры ощущалось даже в 90-е годы на уровне стандартов поведения и производственной культуры, пусть и заведомо утративших к тому времени всякий смысл).

Результаты применения этого метода в прямом смысле слова шокируют. Достаточно указать, что себестоимость знаменитой трёхлинейки Мосина, массово выпускав-

шая. Крупнейшие корпорации в целом в силу вполне объективных факторов лишаются возможности наращивать доходы — и жажда прибыли делает новым универсальным стандартом стремление к снижению издержек при достижении плановых производственных результатов.

Эффективность информационных технологий, позволяя производить необходимые для потребления человечеством материальные и нематериальные блага всё меньшим количеством людей, делает "лишним" средний класс развитых стран, который быстро и неотвратимо беднеет. А ведь именно он обеспечивает критически значимую часть современного глобального спроса; его социальная утилизация лишает современное производство сбыта и тем самым, по сути, отменяет рынок как главный общественный инструмент. В результате капитализм парадоксальным образом перерастает во всё менее рыночную и распределительную в своей основе общественную систему, всё более приближаясь к социализму.

В связи с последним следует подчеркнуть, что массово применяемые в настоящее время компьютеры уже позволяют прямо планировать производство и распределение основных производимых и потребляемых человечеством товаров и услуг. Понятно, что речь идёт лишь о важнейших, ключевых товарах и услугах, а отнюдь не обо всём их безграничном разнообразии, однако нельзя забывать, что рынок всегда жил "в порах" централизованно планируемой системы. Достаточно развитая в нашей стране система рыночного малого и среднего производства была ликвидирована лишь Хрущёвым (именно этим подписавшим смертный приговор социалистическому строю).

Таким образом, достаточно хорошо изученную советскую модель экономики, основанную на сокращении издержек в противовес традиционному капиталистическому наращиванию доходов, в силу вполне объективных факторов технологического развития человечества ждёт глобальное возрождение, пусть и на основе новых технологий, иных мотиваций и в рамках принципиально других социальных организмов.

И нам, хотя бы в силу нашего опыта и стремления к справедливости, предстоит сыграть в этом возрождении ключевую роль.

катастрофы (при использовании во вред наивным европейцам их исторически обусловленного желания установить прямой непосредственный контроль за Украиной и грабить её как свою традиционную колонию, не делясь с американцами и англичанами), отрыв континентальной Европы от российских ресурсов (среди которых наиболее значим трубопроводный газ) и организации тем самым её уверенной социально-экономической деградации.

Российская компрадорская буржуазия восприняла своё насильственное отделение от западной метрополии не как необходимость попытаться перестать быть компрадорской и начать развитие своей страны в её (и своих) собственных интересах, а как необходимость решить значительно более простую задачу смены метрополии при сохранении России в состоянии экономической колонии и своего характера как компрадорской буржуазии.

Министр экономического развития России М.Г. Решетников специально подчеркнул в своём выступлении перед комитетами Госдумы в мае 2023 года, что предоставление об импортозамещении как о замене европейского импорта собственным производством носит устаревший характер, а замену европейского импорта китайским тоже следует считать полноценным импортозамещением.

Тем не менее эта попытка была изначально обречена на неудачу по стратегической внутренней и по тактической внешней причинам.

Стратегическая внутренняя причина заключалась в специфическом характере сложившейся в 90-е годы в России экономической модели: вполне колониальный вывоз сырья на Запад опирался не на созданные этим Западом производства, а на разграбление колоссального советского наследства. Это разграбление было отнюдь не простым и однозначным процессом, и прошло несколько драматических этапов. Так, разграбление материального капитала, созданного Советским Союзом, в основном было завершено в конце 90-х, что выразилось в разрушительном дефолте. Гениальность Чубайса проявилась в том, что реформой электроэнергетики, спланированной в 2001 году и начатой с 2004 года, он начал разграбление нематериального капитала, оставшегося от советской цивилизации, в его организационной форме. С людоедской "монетизации льгот" 2005 года началось

"партнёров" для неё уже нет места на этом свете, так как без неё российские ресурсы станут для Запада значительно дешевле, чем с ней.

Открывшаяся с победой Трампа возможность купить себе продление своего существования за счёт создания угрозы ухода российских ресурсов под контроль Китая кратковременна в силу усталости самой этой компрадорской элиты, а самое главное — иллюзорна, так как не учитывает крайне активной роли Англии, выгрызающей себе кусок в складывающемся сейчас мире Глобальной депрессии при помощи максимального хаотизации всех доступных её влиянию процессов. Для Англии, в отличие от США, не вовлечённой в билеплярное противостояние с Китаем, переход российских ресурсов под его контроль не катастрофа, а небольшая приятная месть взыбтовавшейся четверть тысячелетия назад колонии; поэтому, если новая американская администрация и будет пытаться продлить существование компрадорской политической элиты России, эти попытки будут торпедироваться британскими стратегами столь же эффективно, последовательно и беспощадно, что и пресловутые Стабильное соглашение.

Таким образом, как минимум инстинктивное стремление российских привилегированных либералов вернуться в комфортное для них прошлое и восстановить положение России как экономической колонии Запада обречены на провал по вполне объективным, системным причинам.

А значит, если их активная деятельность не приведёт к уничтожению нашей цивилизации, восстановление полноценного социально-экономического планирования неизбежно станет основой восстановления нашей Родины. Собственно, именно это и является практической причиной неприятия его восстановления современными российскими либералами.

СОВРЕМЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИИ

Сегодня уже нет никакого сомнения, что закон о стратегическом планировании был принят Госдумой прежде всего в силу его успешного полного выхолощивания, эффективно обеспечившего его неработоспособность и сугубо формальный характер.

Тем не менее процессы планирования управленческой деятельности государ-

ство, как им приходилось нейтрализовывать попытки монополизировать завысить цены сверх предусмотренного бюджетными проектировками уровня или занижить объёмы производства (разумеется, с правдоподобными ссылками на те или иные объективные обстоятельства). Понятно, что противодействие таким попыткам, являющееся неотъемлемой частью планирования в рыночных условиях, само по себе уже свидетельствует об освобождении (пусть, конечно же, ещё далеко не окончательном) процесса планирования от оков и ограничений либеральных предрассудков.

Выстраивание цепочек создания стоимости ради повышения эффективности использования бюджетных средств и расширение правительством Мишустина практики применения пресловутых "офсетных контрактов" (в рамках которых бюджет гарантирует многолетний спрос на продукцию того или иного производства, заведомо обеспечивающий приемлемую рентабельность вложенных в него частных инвестиций) также представляют собой очевидные меры расширения сферы планирования социально-экономического развития, которые невозможно было себе даже представить до его назначения председателем правительства Российской Федерации.

НЕОБХОДИМЫЙ ФОРМАТ ПЛАНИРОВАНИЯ

Последний полноценный межотраслевой баланс был рассчитан в нашей стране, насколько можно судить в настоящее время, за 1988 год, и выполнившие эту работу специалисты были потрясены огромными внутренними расхождениями между официальными данными: разрывы составили 15%. Данная погрешность, в соответствии с тогдашними нормами полностью исключающая возможность использования рассчитанного баланса в целях практического управления, как сейчас представляется, вполне адекватно отражала масштабы того перетока ресурсов из официального сектора в "теньовой". Вероятно, стоит напомнить, что, по оценкам тогдашних специалистов, потребительский рынок Советского Союза окончательно рухнул под давлением горбачёвских реформ как раз накануне, в ноябре 1987 года.

Понятно, что для официальных оценок и выработки государственной политики в то время погрешность в 15% являлась запредельно, недопустимо высокой, однако главной новостью оказалось то, что в то время она даже никого не заинтересовала. "Процессы общественного развития" (а точнее, распада) "приобрели неконтролируемый динамизм", страну рвали на части, обеспечивая, как тогда казалось многим, личное светлое будущее за счёт полного уничтожения общественных перспектив, и происходившее в прошлом году казалось не имевшим никакого практического значения, произошедшим в другом измерении и на другой планете.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Советская модель плановой экономики станет преобладающей во всём мире

шейся более полувека — с 1891-го по 1943 годы — за последние три года выпуска в результате его применения была снижена ещё в 1,6 раза!

Эта модель была убита во второй половине 50-х годов первой научно-технической революцией (НТР): кардинально усложнив производство, она сделала принципиально невозможным традиционное к тому времени планирование качественно выросшего числа критически значимых товаров в натуральном выражении.

Разумеется, в Советском Союзе планирование не взяло "высоту" новых требований, предъявленных НТР, далеко не только в силу отсутствия компьютерных мощностей (в действительности они имелись, но были сконцентрированы на обслуживании нужд ВПК, а политическое руководство страны к тому времени уже утратило способность осознавать важность новых принципов управления), но и в первую очередь из-за вырождения самой системы управления. К концу 50-х годов она утратила способность, которой в полной мере обладала в 30-е и даже в 40-е годы: сочетать жёсткое планирование и распределение ключевой продукции базовых отраслей с гибким прогнозированием производства продукции промысловой кооперации и личных подсобных хозяйств — тогдашнего "малого бизнеса". К слову сказать, в 1940 году 2 млн чел. в 114 тыс. мастерских и предприятий промкооперации производили 6% всей продукции промышленности индустриального Советского Союза, что как минимум вполне сопоставимо с нынешним уровнем и едва ли не превышает его.

В результате натуральные показатели планирования уступили место стоимостным, позволяющим объединять разнородные товары при разработке прогнозов, а также в плане и отчёте. А опора на стоимостные показатели объективно перерождировала экономику со снижения издержек на рост дохода. Эта цель была рыночной, капиталистической по своей природе, и её преследование закономерно привело к перерождению социалистического мировоззрения в обычное капиталистическое.

Представляется принципиально важным и то, что ориентация на рост дохода объективно, в силу устремлений монополий (порождаемых индустрией) способствует завышению издержек. Именно это стало главным фактором, обусловившим пресловутый "затратный характер" позднесоветской экономики.

Современный мировой экономический кризис, представляющий собой преддверие срыва человечества в Глобальную депрессию, неумолимо возвращает советский тип хозяйства в мировую повестку

Разумеется, в качестве категорического предварительного условия этого совершенно необходимо как минимум восстановить адекватность современной российской системы государственного управления — в том числе и путём восстановления нормальной системы планирования деятельности и в целом развития общества.

ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ ПЛАНИРОВАНИЯ

Данная задача, несмотря на свою содержательную простоту и самоочевидность, представляется абсолютно нетривиальной в силу своего фундаментального политического характера.

Ведь формирование социально-экономической политики и в целом управление социально-экономической сферой России всю эпоху национального предательства с начала разрушительной горбачёвской реформы 1987 года всецело контролируются представителями либерального клана, обслуживающими интересы финансовых спекулянтов и в силу этого ориентированными на обеспечение максимальной нестабильности и непредсказуемости развития (хотя бы потому что финансовые спекулянты обеспечивают свои прибыли из волатильности рынков и потому заинтересованы в их максимальной и как можно более долгой дестабилизации).

Кроме того, поскольку наиболее значимые финансовые спекулянты в силу исторических и фундаментальных культурных причин принадлежат к западной цивилизации, управляющие социально-экономической сферой России либералы объективно, вне зависимости от собственного желания и степени осознания ситуации, обречены обслуживать интересы "коллективного Запада", фундаментально и неотвратимо враждебного России.

Поскольку развитие современного эффективного планирования не только существенно повысит конкурентоспособность нашей экономики, но и качественно укрепит нашу Родину, в том числе в её глобальном противостоянии с западной цивилизацией, оно принципиально неприемлемо для российских привилегированных либералов не только по сугубо идеологическим и ценностным причинам, но и потому, что фундаментально противоречит интересам Запада, которому они служат.

Здесь стоит подчеркнуть, что, несмотря на стремление значительной части российской правящей бюрократии (в том числе и не либеральной!) к возврату в наиболее комфортное для неё (а часто и единственно понятное для этой части и даже единственно представляемое ею в качестве социально-политического идеала) состояние "внешнего управления" Россией со стороны "всеголупного Запада", обычно ассоциирующейся в общественном сознании с кровавыми 90-ми годами, такой возврат представляется принципиально невозможным по вполне объективным причинам.

Действительно, Россия являлась эталонной экономической колонией — страной, вывозящей сырьё и ввозящей, если ей это позволяет, продукцию переработки этого сырья. При этом основная часть добавленной стоимости и, соответственно, прибыли "дарится" экономической колонией своей метрополиии (или метрополиям), которая получает полный хозяйственный, а через него и политический контроль за экономической колонией (как источник технологий и в целом мало-мальски сложной в технологическом отношении продукции, необходимой для поддержания нормальной по общественным представлениям жизни; при этом сырьё, за редкими исключениями, не является редким товаром и может закупаться экономическими метрополиями в других местах).

По данным аналитиков "Кредит Суис", поставки российского сырья в Германию на 20 млрд евро позволили последней произвести из него продукции на 2 трлн евро — с коэффициентом 1:100. Эта колоссальная эффективность, по сути дела, систематического разграбления России обеспечивала успешное развитие всей континентальной Европы и создавала перспективу её превращения в экономического конкурента США и политического конкурента Англии. Неприемлемость указанной перспективы привела к организации украинской

разграбление уже и социального советского капитала.

Завершение процесса разграбления советского наследства в силу его физического и даже физиологического истощения означало и полную исчерпанность сложившейся в России специфической модели экономической колонии: она лишилась своего материального фундамента. Начался переход российского общества в качественно новое состояние.

Принципиально важно, что этот переход оказался весьма энергично протестирован Западом, который не только отрезал российский колониальную экономику от себя как экономической метрополии, но и списал в исторический утиль всю сформировавшуюся в рамках данной модели управленческую элиту России, до сих пор ещё во многом гордящуюся своей чудовищной функцией.

Как было показано выше, развитие глобального экономического кризиса вынудило "совокупный Запад" сменить модель своего функционирования, переориентировавшись с наращивания доходов и экономической экспансии на интенсификацию использования имеющихся ресурсов, непосредственно выражающуюся в сокращении издержек.

В отношении России как экономической колонии это сокращение издержек означало кардинальную замену политического класса и управленческой элиты, сложившихся и функционировавших в качестве младшего партнёра "совокупного Запада", на простых колониальных менеджеров в стиле значительной части современных политиков постсоветского и постсоциалистического пространств (а во многом и континентальной Европы). Реализация этого устремления была сломана президентом Д.А. Медведевым, в конце 2011 года заявившим о возврате высшей политической власти президенту В.В. Путину, и затем — в ходе краха проекта "внесистемной либеральной оппозиции", члены которой и призваны были стать указанными колониальными менеджерами.

Однако вся компрадорская буржуазия России в рамках западного стремления к снижению издержек является совершенно лишним и бессмысленным наростом, подлежащим уничтожению просто с точки зрения рутинной экономики средств. Точно такому же уничтожению подлежит и вся обслуживающая его политическая и управленческая элита, которая категорически не приемлет реальности и отчаянно, ценой всё новых уступок Западу пытается вернуться в комфортные для себя 90-е годы, не понимая, что с точки зрения западных

ства и его усилий по сохранению и тем более развитию отечественной экономики реализуется в силу своей объективной необходимости.

Важным фактором практического развития и расширения планирования стала цифровизация всей системы государственного управления социально-экономической сферой, реализованная усилиями премьера Мишустина и его команды уже в 2020 году. В результате Россия стала мировым лидером в деле перевода государственного управления на наиболее эффективную сегодня платформенную основу. И это, несмотря на многочисленные и крайне неприятные "болезни роста", кардинально повысило его операционную эффективность и, соответственно, устойчивость общественно-политической системы.

Управление на основе цифровых платформ, носящее высоко формализованный характер и осуществляемое на основе прямого сбора и обработки огромных массивов первичных данных без сложной системы бюрократических посредников создаёт не только технологические предпосылки, но и прямую необходимость широкомасштабного планирования, которое объективно, в силу самой природы такого управления, является его непосредственным содержанием.

В силу изложенного цифровизация системы государственного управления как таковая, вне зависимости от ценностных ориентировок и субъективных предпочтений, придала мощный импульс развитию и расширению планирования социально-экономического роста России даже в самых неблагоприятных для этого политических и идеологических условиях.

Разумеется, пока планирование (в том числе и в силу изложенного) неизбежно носит крайне ограниченный, частичный и от этого ущербный характер, однако объективные потребности социально-экономического развития, в частности, выживания страны в условиях длительных военных действий, способствуют его постепенному исправлению — в перспективе вплоть до нормализации.

В частности, представители правительства ещё в 2023 году указывали на то, что занимают планированием социально-экономического развития России, однако при этом принципиально не распространяют его сферы на цены продукции и объёмы её производства. Понятно, что называть такую деятельность планированием можно лишь весьма относительно. Однако затем, описывая свою повседневную деятельность, те же самые представители правительства приводили конкретные примеры

Для обеспечения полноценного планирования социально-экономического развития, обеспечивающего обществу необходимые стабильность и предсказуемость его собственных перспектив, не говоря о минимальной конкурентоспособности, необходимо постоянное создание полноценных межотраслевых балансов, охватывающих всю российскую экономику (а не заведомо недостаточных сейчас, в отличие от времён Василия Лентьева, разработанных им таблиц "затраты — выпуск").

Национальный межотраслевой баланс должен быть дополнен межстрановым балансом, охватывающим внешнеэкономическую деятельность наших хотя бы ключевых торговых партнёров, — для прогнозирования их деятельности и учёта открывающихся (равно как и закрывающихся) возможностей.

Принципиально важно, что обычный межотраслевой баланс должен быть дополнен балансом на основе добавленной стоимости, позволяющим учитывать реальные экономические положение страны и прогнозировать её перспективы. В частности, баланс внешней торговли должен вестись прежде всего на основе добавленной стоимости, так как обычный, ведущийся в текущих рыночных ценах, неоправданно приукрашивает положение и перспективы экспортера сырья (в частности, России) за счёт фактора природной ренты.

Наконец, традиционный межотраслевой баланс должен быть дополнен тщательно проработанным балансом движения капитала в стране и мире, что на углублённой систематической основе не делается практически никем и никогда (исключение — межотраслевой баланс движения прямых инвестиций, периодически разрабатываемый в рамках ООН).

Таким образом, восстановление полноценной системы планирования социально-экономического развития нашей страны, да ещё и с необходимым учётом и использованием современных технологий, находится лишь в самом начале своего пути.

Однако без решения этой задачи невозможно не только нормальное существование нашей великой Родины, но и простое выживание самой русской цивилизации.

Михаил ДЕЛЯГИН

Иллюстрация: советский плакат. Художник Владимир Конохов. 1969 г.

Новый выпуск (6 (124)) журнала "Изборский клуб" продолжает тему "Контурь мультиполярности и новый баланс сил", начатую в предыдущем номере.

Открывает издание статья Александра Проханова "Разворот истории". В номере также опубликованы работы Андрея Светлова "Историческая альтернатива", Сергея Переслегина "Миражи многополярного мира", Владимира Тимакова "Планиета меняет цвет", Евгения Варшавского "Стратегическая культура: мягкая сила империи", Дмитрия Зеленова "Мир посредством силы", Максима Калашникова "Тайное оружие войн", Василия Колташова, Андрея Коржовцева, Антона Сихаря "Академическая наука как проблема".

В номере представлена беседа с Михаилом Кильдяшовым "Человек будущего".

Гарт Ле Пер в статье "Меняющаяся геополитика: последствия для глобального порядка" пишет: "Новые военные технологии развиваются в направлениях, которые дают преимуществу хорошо организованному сухопутным державам и союзам, и это изменит коренным образом глобальный мир, который был сформирован британской талассократией и торговлей, модели которых с небольшими изменениями унаследовали американцы. Роль безопасных сухопутных логистических коридоров в самом скором будущем вырастет многократно".

"Иллюзия глобального роста, когда США, накачивая дешёвым кредитом свой рынок, тянули за собой все рынки, обернулась осознанием реальности: США просто росли за счёт всех остальных, которые работали на них за эмитируемыми ими деньгами. И когда пришёл кризис, заставили заплатить за него самых слабых. Слабые, естественно, начали искать таких сильных, которые могли бы учесть их интересы, и их впервые всё больше обращались к Китаю и России. К Китаю — как к глобальной экономической силе, к России — как к глобальной политической силе".

Рубрика "Библиотекари" представляет новую книгу Александра Гапоненко и Михаила Родина "Как нам обустраивать русскую нацию?", а также сборники статей "Удерживающие" русского зарубежья (под редакцией Александра Гапоненко и Леонида Мухина), и "Трансакция и мутангенный фашизм. От оккультной идеологии Третьего рейха до киборгов XXI века".

"Стихия" знакомит с поэзией Владимира Одноралова.

Справки по телефону 8 985 236 91 24